

ФИЛОСОФИЯ | PHILOSOPHY

УДК 172.1:327.5(569.4)
doi:10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).11
5.7.7

Маски-образы Ясира Арафата как показатель его вовлеченности в палестино-израильский конфликт

Сергей Михайлович Абрамов¹, Елена Владимировна Андреева²,
Татьяна Александровна Ветошкина³

^{1,3}Уральский государственный горный университет, Екатеринбург, Россия

²АНО ВО «Гуманитарный университет», Екатеринбург, Россия, lenaandreeva@el.ru

Аннотация. Само имя Ясира Арафата тесно спаяно и неразрывно сращено с историей палестино-израильского конфликта, в рамках которого он успешно менял свои *маски* и *социальные роли*. Ограничиться их простым перечислением неверно, но и игнорировать их невозможно. Маски Арафата, каждая из которых имела неповторимые особенности, – это своеобразный ключ к пониманию палестино-израильского конфликта. Весьма вероятно, что маски-образы Арафата, язык которых нередко подменял смысл слов, – это показатель его глубокой *вовлеченности* (погруженности) в палестино-израильский конфликт, которым было пропитано все его сознание. Возможно, что и патологическая и всепоглощающая *страсть к смене масок* была продиктована ему обстоятельствами палестино-израильского конфликта. Так или иначе, маски, всегда имеющие *завораживающий* характер, могут дать некоторое понимание, возможно дополнительное, к уже хорошо известному представлению об Ясире Арафате, его театральной натуре. Без критического подхода к смене масок Арафатом – непредумышленного или намеренного – можно сделать много ложных выводов. Поэтому важно раскрыть их неоднозначный характер.

Ключевые слова: маска, социальная роль, мимикрия, имитация, амбивалентность, конкурирующий сценарий, террор, палестино-израильский конфликт

Для цитирования: Абрамов С. М., Андреева Е. В., Ветошкина Т. А. Маски-образы Ясира Арафата как показатель его вовлеченности в палестино-израильский конфликт // Вестник Гуманитарного университета. 2023. № 3 (42). С. 125–133. DOI 10.35853/vestnik.gu.2023.3(42).11.

Mask Images of Yasser Arafat as an Indicator of his Involvement in the Palestinian-Israeli Conflict

Sergey M. Abramov¹, Elena V. Andreeva², Tatiana A. Vetoshkina³

^{1,3}Ural State Mining University, Yekaterinburg, Russia

Liberal Arts University – University for Humanities, Yekaterinburg, Russia, lenaandreeva@el.ru

Abstract. The very name of Yasser Arafat is closely fused and inextricably intertwined with the history of the Palestinian-Israeli conflict, within which he successfully changed his masks and social roles. It would be wrong to confine ourselves to a simple list of them, but it would also be impossible to ignore them. Arafat's masks, each with unique features, are a kind of key to understanding the Palestinian-Israeli conflict. It is very likely that Arafat's mask-images, whose language often replaces the meaning of the words, are an indicator of his deep involvement

(immersion) in the Palestinian-Israeli conflict; his entire consciousness was permeated by it. Perhaps the circumstances of the Palestinian-Israeli conflict dictated his pathological and all-consuming passion for changing masks. Whatever the case, the masks, always of a mesmerizing nature, may provide some insight, perhaps in addition to the already familiar idea of Yasser Arafat, his theatricality. Without a critical approach to Arafat's changing masks - unintentional or intentional - many false conclusions can be drawn. That is why it is so important to reveal the ambiguous nature of them.

Keywords: mask, social role, mimicry, imitation, ambivalence, competing script, terror, Palestinian-Israeli conflict

Проблема, связанная с масками-образами Арафата, сложная и многомерная. Она включает в себе множество различных аспектов, которые, вне всякого сомнения, должны приниматься во внимание при изучении региональных конфликтов, и в частности палестино-израильского конфликта, итоги которого еще долго не будут подведены. Кроме того, писать о масках-образах Арафата – занятие не просто трудное... Причина вовсе не в том, что об Ясире Арафате почти ничего не известно, наоборот, о нем написано множество исследований и эссе. К тому же приходится признать, что его имя тесно спаяно и неразрывно сращено с историей палестино-израильского конфликта, в рамках которого он успешно менял свои *маски* и *социальные роли*. Для понимания и осмысления указанной темы невозможно не опираться на работы авторитетных исследователей, к числу которых относятся З. Жаботинский, Я. Боровой, Г. Концельман и др. [Жаботинский 1978; Боровой 2009; Концельман 1997].

Начнем описание с толкования слова *маска*. Прежде всего отметим, что в толковом словаре живого великорусского языка В. Далям маска рассматривается как «...личина, в прямом и переносном значении, притворство, двоедушие» [Даль 1998, с. 302]. В словаре русского языка маска рассматривается как «притворство, скрывающее истинную сущность кого-, чего-либо» [Словарь русского языка 1983, с. 231].

Как известно, маска является одним из древних и универсальных символических средств бытия человека, важнейшим атрибутом поведения индивида. Ю. М. Лотман справедливо указывал, что в историческом пространстве бытия маска есть один из давних спутников «человека культурного», скрывающего его подлинное «Я» [Лотман 1996].

Символические значения маски, эффективно действующей на эмоционально-чувственный уровень и настрой общества, многогранны. Благодаря маске политические деятели «...искусно скрывают свои мысли, свой истинный облик, являя собой маски. Так же и слова их скорее прикрывают их мысли, чем выражают» [Мажуль 2013, с. 56]. Создать свой образ, уловить его, даже второстепенный, – это большая удача для любого политического деятеля. Не менее значимым является и то, что маска, скрывающая лицо политика, позволяет ему быть кем угодно, принять любое обличье, выполнять любую роль. Таким образом, действительность мира политики устроена так, что «в ней сплошь и рядом все орудуя под масками, в первую очередь там, где за этим труднее всего проследить» [Слотердайт 2021, с. 711]. Склонны утверждать, что ни один из политических деятелей, в том числе современности, не перестает трудиться на так называемой фабрике своих образов.

Необходимо подчеркнуть: маску «...нельзя потерять, она не должна упасть, не должна открыться...» – указывает Элиас Канетти. Нужно принять во внимание, что тот (в данном случае политический лидер), кто носит маску, должен оставаться в соответствующих ей границах. При этом нельзя не учитывать, что маска «...не природна, а является созданием человека» [Канетти 2022]. Так или иначе, важно знать, как появляется маска и какую функцию она несет.

Маски Арафата, ставшие обязательным атрибутом его образа, были *сознательной репрезентацией* себя другим. Обращение Я. Арафата к маскам – это не случайность, а закономерность. Они надевались им применительно к *конкретной цели*, позволяли ему

подстраиваться в зависимости от обстоятельств под *любую ситуацию*. И это не было какой-либо случайностью. Лики масок Арафата *разнообразны, убедительны*, они не исключали друг друга, несмотря на то что они отчуждали его от своей *подлинности, освобождали от поражений и неудач*. Как известно, в функции сокрытия заключается опасность, тайна и власть маски (О. М. Кордас).

Ясир Арафат, контуры которого не следует однозначно отождествлять с нашим пониманием палестино-израильского конфликта, изобретателен, гибок и рационален в своих действиях по смене масок. Свою линию поведения он выстраивал в режиме *обмена взаимными впечатлениями* с палестинским сообществом. Следует обратить внимание на тот факт, что Арафат знал и умел манипулировать производимым впечатлением. В результате такого обмена и манипулирования он получал необходимую поддержку, как некое условие, делающее возможным появление той или иной маски. К сказанному добавим, что нет никакого сомнения в том, что маска-образ Арафата оставляла палестинских арабов под *общим впечатлением*, позволяла лидеру палестинских арабов получить «немедленное *эмоциональное эхо*» (термин Теодора Адорно), ибо событиям придавалась *психологическая* значимость. При этом маска неизбежно порождала в воображении палестинских арабов *контрастный образ*, более того, данный образ не мог не быть наделен реальной политической силой.

Следует отметить, что *театральная* натура Арафата, связанная с частой (назовем ее патологической) сменой масок, между которыми было значительное расхождение, всякий раз прорывалась наружу и толкала его на то, чтобы подчинять свое поведение *эффектной* постановке.

Вне всякого сомнения, Ясир Арафат, как никто другой, осознавал, что «*театр для других*» в палестино-израильском конфликте играет более важную роль, чем какой-либо другой фактор. Очень возможно, что он захватывал не только участников палестино-израильского конфликта, но и обывателей. Арафат не мог не знать, что свою деятельность он мог осуществлять только в пределах (границах) той или иной роли, той или иной модели поведения, но только пока палестинское общество было готово его принять. Поэтому в той или иной роли он не мог не быть убедителен, несмотря на то что порой маски не могли не способствовать *неразличимости* позиции Арафата, в то время как она, то есть роль, должна была соответствовать ожиданиям, *клише* и представлениям палестинцев. Так или иначе, в соответствии со своей ролью он выбирал определенную *форму и манеру поведения, жестикуляцию и мимику*, в том числе *внешний облик* (быть соответствующим образом одетым), которые дают ключ к разгадке его поведения. Вся сложность заключалась в том, что Арафат оказывался перед необходимостью постоянно *поддерживать* свой узнаваемый образ.

Ясир Арафат – *мастер переодеваний*, смены масок отрицательных на положительные и наоборот, что позволяло ему производить *впечатление*, и весьма часто не без успеха. При этом любая его маска должна была легко читаться, а создаваемый ею образ – моментально узнаваем. Тем более что *узнаваемость* становилась для Арафата более важным фактором, чем *подлинность*. Фактически маска становилась *образом для других*, в частности палестинских арабов, большинство которых было абсолютно дезориентировано и обращено в *мифологизированное прошлое, которое погасило его способность к анализу политических процессов*.

Вне всякого сомнения, смена масок была детерминирована зависимостью от *условий* конфликта, политическими ориентирами Арафата, его потребностями и целями, эмоционально-чувственным состоянием, а также его ценностными ориентирами. Иными словами, ключ к смене масок Арафатом следует искать не только в личности лидера палестинских арабов, но и в его *позиции*, избранной им по отношению к Израилю.

Можно предположить, что маски, выступающие в качестве социальной роли «одежды на себя», им были *не выстраданы, но гениально симулированы*. Подчеркнем: они не более чем *позиция, притворство, игра на повышение своего статуса, интрига, средство диалога* с палестинским сообществом, *опора, защитный экран* и даже *сим-*

вол, но это был символ, отражающий реальность. Так или иначе, но Арафат не собирался довольствоваться символом, он превращает символ в целенаправленное действие.

Не исключено, что маски могли выступать в качестве *системы отвлекающего поведения* в сложных обстоятельствах палестино-израильского конфликта, в истории которого роль Ясира Арафата сильно преувеличена. Невозможно отрицать очевидный факт, что маски, становясь *формой протеста*, позволяли Арафату постоянно находить свое место в сложном комплексе конфликта. Весьма вероятно, что маска выступала как проявление феномена *зависти*, неудовлетворенности, ибо он не мог разговаривать на равных с Израилем, США, что не могло не превращать Арафата, заряженного resentmentом, в инициатора агрессии и разжигания враждебных чувств, в том числе из-за провоцирующего неравенства палестинских арабов и израильтян. Логично указать, что палестинское сообщество, чье сознание было пропитано неудовлетворенным *территориальным инстинктом*, а также неспособностью рационализировать свое прошлое, наравне с Арафатом испытывало раздражение, фрустрацию, **ресентимент** и даже зависть к победителю – Израилю. Вне всякого сомнения, в условиях палестино-израильского конфликта зависть становилась фактором искажения переживаемой реальности. Весьма вероятно, что смена масок была призвана компенсировать нехватку *уникальности* Арафата (в то же время, возможно, она снимала *чувство неудовлетворенности* собой) как политического лидера, стремившегося изменяться вместе с реальностью, быть включенным в нее.

Ясир Арафат, являясь адептом *политической рекламы*, обладал немалой долей *микриш*. Сменяемость масок, та или иная личина (маска) была обусловлена объективными условиями. При этом нельзя отрицать и *личностных (социально-психологических)* характеристик политика, порождающих это уникальное явление, ибо маска позволяла Арафату всегда *оставаться на виду, быть в центре внимания*. Для любого политика эта константа является очень важной.

Маска, которая, безусловно, не была изобретением Арафата, воплощала *востребованность* образа (подчеркнем – *реального*), позволяя ему выступать **продавцом надежды** (термин Э. Хоффера) для палестинского социума. Она делала его *интересным*, поскольку как обычный человек он был никому не интересен. Поэтому весьма вероятно, что маски-«образы» Арафата носили *преднамеренный* характер, составляли его *многоплановый* и разноликий политический и психологический портрет.

Фактически маски-«образы» были не лишены амбивалентности (двойственности), каждая из них через **амбивалентный край** давала возможность перейти к другой, *не взаимоисключая* друг друга. Именно сочетание несочетающихся масок-образов, необычайная их комбинация сделали Арафата уникальным политическим лидером ближневосточного региона. При этом Ясир Арафат *«не замыкался в скорлупе»* того или иного образа.

Арафат понимал: чтобы вписаться в палестино-израильский конфликт (найти свое место), надо разложить свою политическую фигуру на маски – личины, пусть даже *фальшивые*. Вписанность в контекст палестино-израильского конфликта давала ему основание считать себя *функционально* значимым, то есть влиять, воздействовать на ситуацию. Бесчисленные маски-«образы» Арафата *параллельны*, но никак не последовательны, они несли *неодинаковый смысл*. Весьма вероятно, что смена масок содержит момент их *синхронности*.

Как было сказано, «маски всегда вызывали *отклик* в палестинской среде», ибо они не могли *не впечатлять*. Поэтому не обращать на них внимания и считать их неким случайным и малозначимым явлением будет несправедливо. К сказанному необходимо сделать дополнение: каждая маска по своему содержанию, доктрине сильно *отличалась* от другой, но при этом все факторы, которые делали их востребованными, были однородны. Нельзя не обратить внимание на то, что *граница* между масками-«образами» все же нередко была весьма зыбкой.

Склонны предположить, что все маски-«образы» объединяла *игра* Арафата не только с Израилем, но и со всем миром. Политик не собирался замыкаться на палестинском мире, который был всего лишь ступенькой для политической карьеры Ясира Арафата – *человека сверхидеи*. Он как минимум собирался стать королем (лидером) арабского мира. Возможно, такого объяснения с нашей стороны недостаточно. Безусловно, надо учитывать особенности мировосприятия нашего героя, чье сознание было не менее заклинено, чем массовое сознание палестинского сообщества.

Назовем маски-«образы» Арафата, которые чаще всего сопровождали его долгую политическую карьеру, подбор которых был весьма специфическим, но именно они позволяли ему давать *простые* формулы выхода из кризиса.

Маска ***последовательного революционера*** выступала ***базовым*** образом Арафата. Имидж последовательного революционера – *реформатора ближневосточных отношений и бунтаря ближневосточного региона, у которого была своя логика и резон*, позволил ему возглавить Организацию Освобождения Палестины. В этом качестве он представляет разрозненный палестинский народ жертвой *агрессии* Израиля, против которого он ведет непримиримую борьбу. Для большинства палестинского населения, перенасыщенного комплексом антиизраильского протеста и поэтому живущего в плену болезненных *«химер» и иллюзий*, Арафат несомненно революционер, борющийся за неотъемлемые права каждого палестинского араба, рискующий своей жизнью *«за себя и за того парня»*. Маска революционера позволила Арафату ускорить процессы национального самоопределения палестинцев как особой части арабского народа.

2. Маска ***колеблющегося террориста***. Это была ***типичная*** доминантная маска Ясира Арафата, которая в случае необходимости могла меняться на другие. Важно отметить, что узнаваемый и растиражированный, *демонстративный и харизматичный* образ Арафата – террориста, выделявшегося поразительной неубиваемостью, которому были неведомы *«чувство вины»* и *«угрызения совести»*, стал его *визитной* карточкой, благодаря которому он больше всего запомнился. В итоге Арафат, которому удалось *закрепить законность палестинского терроризма*, стал *заложником* данного образа. И даже его знаменитое выступление на трибуне ООН не смогло изменить этот образ.

Репутацию террориста со свойственным ему чувством отсутствия всякого морализма не смог поколебать и *переговорный процесс* с Израилем. Возможно допустить, что и здесь нет однозначного взгляда на проблему терроризма Арафата как одного из *способов* преодоления палестино-израильского конфликта, причем самого доступного. *К этому можно добавить следующее: если терроризм выступает как систематическое социально или политически мотивированное, идеологически обоснованное использование насилия либо угроз применения такового, посредством которого через устрашение физических лиц осуществляется управление их поведением в выгодном для террористов направлении и достигаются преследуемые террористами цели [Петрищев 2001, с. 11], то палестинский терроризм сопротивлялся любым попыткам урегулирования палестино-израильского конфликта. У палестинского терроризма одна цель, а именно полное освобождение Палестины, фактически палестинский терроризм стал своеобразной компенсацией за отказ Израиля идти на уступки палестинской стороне.*

С одной стороны, терроризм был *предопределен* (предзадан), ибо данное обстоятельство позволяло ему не выпадать из *колеи конфликта*. С другой стороны, опираясь на силу терроризма, Ясир Арафат, оказываясь *индуцирован интенциональными энергиями психосферных образований* палестинского сообщества, попадал в зависимость от него. При этом уверовавшая масса палестинских арабов, склонность которых Ясир Арафат к необходимому насилию по отношению к Израилю успешно *актуализировал*, оставалась *интеллектуально инертна и эмоционально возбудима*. Она не утруждалась думать, ее заводила *«проникающая»* идеология терроризма и отчасти ненаблюдаемые образы священной войны (связка языка, образов и метафор), которые пропитывали сознание палестинского общества, в котором организованный и особенно *профессиональный*

террор стал восприниматься как наилучшее (скорейшее) решение палестино-израильских проблем. Террор, в котором рациональное и иррациональное естественным образом переплелись, явно говорил (и продолжает говорить) о накопившемся в палестинском сообществе *потенциале* протеста. Как писал З. Жаботинский, «покуда есть у арабов хоть искра надежды избавиться от нас, они этой надежды не продадут ни за какие сладкие слова...» [Жаботинский 1978, с. 230–236]. При этом нельзя не отметить, что политический спрос на Арафата-террориста возник неожиданно, спонтанно. Парадокс истории заключался в том, что он был востребован, и как террорист Ясир Арафат был насквозь пропитан идеей насилия. Именно в этом качестве он проявил себя наиболее бескомпромиссным образом.

Не переступая границ исторической правды, следует указать, что палестинский *терроризм фактически стал формой возмездия, конкурирующим сценарием* урегулирования палестино-израильских отношений, который был связан с целями и интересами целой группы игроков и последствиями их собственных действий. В то же время он был простым решением *сложной* проблемы. *Конкурирующий сценарий, назовем его деятельностью сценарием*, урегулирования палестино-израильского конфликта основывался на серьезных положениях:

- 1) укоренившаяся со времен Мохаммеда идея, что «каждый клочок земли верующего есть Земля Ислама»;
- 2) религиозные воззрения, в основе которых лежит идея о том, что «Аллах через истинно верующих всю землю заповедовал мусульманам»;
- 3) «Движение освобождения есть движение, очищающее землю Ислама от пришельцев – евреев»;
- 4) историческое право на землю, свободную от пришельцев, которые могут быть терпимы только в качестве зимми, ибо евреи «...лишь религиозная группа, допустимая под властью ислама (зимми)» [Королев 2007, с. 131].

Более того, *террористический сценарий оказался жизнеспособным*, поскольку переговорный процесс (как *пассивный* сценарий урегулирования конфликта) не соединил все точки зрения сторон, не увязал их в единую концепцию урегулирования конфликта. Каждый участник переговорного процесса – Израиль и Палестина – выстраивал и продолжает выстраивать свой сценарий и свой возможный в этих условиях целесообразный способ действия, наиболее значимый для него.

Организованный палестинский терроризм был нужен, чтобы *проектировать* желательное состояние палестино-израильского конфликта. Более того, следует отметить, что терроризм Арафата (как и палестинский терроризм), действовавший в соответствии с логикой *борца*, презревшего *моральные* ограничения, родился в борьбе против Израиля. Не случайно З. Гейзель указывает: «Если посмотреть статистику с начала правления в ООП Я. Арафата и до начала интифады (в декабре 1987 г.), то общее число жертв террора составляет около 4 000 израильтян...» [Гейзель 2013, с. 122]. Как известно, подавляющее число жертв относилось к гражданскому населению.

Связав себя целиком с внешнеполитическим переговорным процессом, *проект «Арафат-террорист» рухнул, несмотря на его убежденность в праве на насилие, которое вплетало террор в ткань палестино-израильского конфликта*. Факт остается фактом: террор временно был отодвинут на *второй план*.

Однако Арафат остался террористом по *мироощущению*, что позднее не могло не сказаться на результатах переговорного процесса, сам факт и результат которых, несомненно, можно записать в его актив. *Склонны предположить, что не личность Ясира Арафата, а прежде всего социально-политический контекст ее развития предопределил его террористические наклонности. Дополнительно подчеркнем, что терроризм Арафата, как предельная форма насилия, свел к минимуму нравственную оценку происходящего, превратившись в глухую стену, за которой исчезали всякие перспективы на урегулирование конфликта*.

3. Маска «*нетипичного миротворца*». Это был его *особый* образ, роль, которая была, на наш взгляд, более *сложной*, так как потребовала от Ясира Арафата, хорошо осознающего, что он делает, *политической гибкости* (лавирования), *невозмутимой убежденности* в необходимости смены не только тактики, но и стратегии. Несомненно, маска «миротворца» стала *поворотным* пунктом в его политической деятельности. При этом смена масок не продемонстрировала, что Арафат был готов отказаться от испытанного и проверенного опытом терроризма, привязанность к которому была не менее значительна, чем само содержание терроризма. Иными словами, вряд ли Ясир Арафат ставил перед собой задачу отделить миротворчество от терроризма. Здесь важно другое – ничто не указывало на то, что Ясир Арафат сделается миротворцем.

Подчеркнем: Ясир Арафат «нетипичный миротворец» – у него пистолет как оправдание перед исламской уммой. Политическая роль Арафата в статусе миротворца была выполнена им *эффектно, красиво и даже энергично. Несомненно, это не могло не производить на аудиторию впечатление искренности.* Здесь нельзя не отдать ему должное. Напрасно в его поступках искать какую-либо логику и последовательность, у него ее просто не было. Нужно добавить, что *фактор эффектности* был более важен для Арафата, чем последовательность. И непременно фактор *целесообразности*, особенно в последние годы руководства Организацией Освобождения Палестины. Безусловно, Арафат осознавал, что террористическая программа начинает *проигрывать* в глазах мирового сообщества, а значит, оставаться в статусе террориста ему было нелегко, невыгодно. Ясир Арафат, как умный человек, понимал, что, выступая в роли террориста, он внушает *страх*, в роли миротворца он дает *надежду* на урегулирование палестино-израильского конфликта.

Фактически, маска «нетипичного (вынужденного) миротворца» была *обусловлена историческим контекстом палестино-израильского конфликта*, став *побочной* ветвью деятельности Арафата, чье миротворчество (миротворческий проект), ставшее *фантомом* для палестинского сообщества, не стало *необратимым* процессом.

Нельзя сбрасывать со счета, что маска миротворца, позволившая ему достигнуть *предела* в налаживании мирных палестино-израильских отношений, стала своеобразной *смесью различных проекций* разрешения *непреодолимых* проблем (например, надежды на будущее без евреев) в изменяющихся условиях палестино-израильского конфликта, находящих отражение в общественном сознании палестинского сообщества. К сказанному добавим, что никакого реального миротворчества в Арафате не было, а была тщательная его *имитация*. И еще на что следует обратить внимание – Ясир Арафат становится миротворцем уже в довольно *зрелом* возрасте.

4. Маска «*игрока*» (джокера) – *бизнесмена-предпринимателя*. Она, несомненно, являвшаяся *оригинальным* образом Арафата, позволяла разыгрывать и противопоставлять интересы разных держав, сталкивать социально-религиозные группы. К этому следует добавить, что это была опасная и рискованная *игра без каких-либо правил, порождающая иллюзорную веру в будущие победы.*

Напомним, что, когда он спас переговорный процесс и стал «*рукопожатным*» лидером для Запада, а позднее и для США с их политикой *двойных стандартов*, он вынужден (подчеркнем: *вынужден*) был действовать по парадигме, принятой в западной культуре, а именно как *бизнесмен – через деньги*. Вместе с тем в рамках так называемого «*парада двуличия*» «...Запад тоже не чурался подыгрывать в своих интересах тем, кто считал террор допустимым средством для решения политических проблем» [Носенко, Семенченко 2015, с. 127]. Нельзя не привести мнение Алана Дершовица, справедливо отметившего: «Трагедия состоит в том, что, применяя подобные двойные стандарты, люди, чересчур суровые к Израилю и чересчур снисходительные к палестинцам, на самом деле поощряют палестинцев оказывать терроризму предпочтение перед компромиссом и миром» [Дершовиц 2011, с. 206].

В результате Ясир Арафат, который вошел в историю палестино-израильского конфликта ярким и запоминающимся, стал инвестировать собственный капитал в запад-

ный проект, а не в палестинский. Поэтому, с точки зрения радикалов, он стал *предателем* палестинской идеи. «*Расколота идентичность*», раздвоенность Арафата была обусловлена как внешним воздействием, так и *эрозией сознания* революционера изнутри, превращением его в *предпринимателя*, что позволяет понять происходящее в Палестине.

5. Маска «*непримиримого защитника палестинского народа*», его беднейших слоев. Именно в рамках данной социальной роли он выступал в качестве *убежденного защитника обиженных, отвечая нуждам и запросам палестинского сообщества, пресыщенного ложными и эмоционально перевернутыми образами палестино-израильского конфликта*. Складывается впечатление, что Арафат, на которого была спроецирована мечта палестинских арабов о создании независимого палестинского государства, в данной роли действует *искренне*, предстает *идейным* защитником палестинских арабов, воображение которых он разбудил (они оказались крайне восприимчивы к упрощенным лозунгам Арафата). Надо отдать должное Арафату, чутко *уловившему запрос* палестинцев на активное использование данного образа. В итоге палестинские арабы, которым передавалось внутреннее видение конфликта Арафатом, чье сознание было приспособлено к восприятию меняющейся ситуации, стали смотреть на палестино-израильский конфликт *не «своими» глазами, а его глазами*. Здесь, несомненно, имело место сильное «*оптическое заражение*».

Однако, на наш взгляд, маска «защитника», являвшаяся *ключевым* образом политика, составляла важную часть его политической *саморекламы*. Возможно допустить другое: Ясир Арафат, вызывающий довольно сложные чувства, как защитник палестинского народа формировался отчасти и *неожиданно для себя*. Очевидно, Арафат был стремительно ориентирующимся молодым человеком в сложных перипетиях палестино-израильского конфликта. Справедливости ради надо отдать должное Арафату, которому долгое время удавалось поддерживать *миф* о себе как неукротимом борце и защитнике простого палестинского народа. Однако факт остается фактом: *страстная привязанность* Ясира Арафата к *делу и долгу* была более значительна, чем *содержание самого дела – защита палестинского народа*, к которому он и должен был быть привязан.

Выводы. Бесспорно, существует *иной ракурс*, иной взгляд и другие точки зрения на *роль и маски Арафата* в истории палестино-израильского конфликта, которые со временем были *скомпрометированы*, превратившись в его *фальшивые личины*. Одновременно, маски не могли не привести к отчуждению Арафата от самого себя, в итоге он оказался в так называемой «*полосе неразличения*».

Очевидно одно: маски-«*образы*» Арафата не есть нечто существующее вне его сознания, они есть результат *сознательных и добровольных* усилий политика. Совсем не исключено, что маски позволили Арафату свой *недосотворенный образ* досотворить в рамках создания своего политического портрета, который им постоянно воссоздавался в истории палестино-израильского конфликта.

Весьма вероятно, психологической защитой от частой перемены масок-«*образов*» выступал *бедуинский платок-куфия*, позволявший Арафату оставаться *самим собой*, который показывал всем, что он глубоко укоренен в традициях пустыни, выступая хранителем традиций палестинского народа, чей *национальный эгоизм* он безмерно разжигал, превращая его в оружие борьбы за место под ближневосточным солнцем.

Кроме всего прочего, образы Арафата нагружали палестино-израильский конфликт огромным пластом *символических смыслов*, соответственно выбраны они были не случайно. Можно предположить, что смена масок-образов как выгодная тактика способствовала включенности Арафата в палестино-израильский конфликт. Не исключено, что посредством масок-образов и психологического воздействия на массовое сознание палестинских арабов Ясиру Арафату всякий раз удавалось создать впечатление, будто источник всех их бед и неприятностей исходит извне – со стороны Израиля.

Несмотря на то что в условиях палестино-израильского конфликта субъективный взгляд Арафата на урегулирование конфликта превращался в коллективный (с другой стороны, он был отражением коллективных аккомодаций высказываний палестинским сообществом), тем не менее всякий раз создается впечатление, что патологическая склонность нашего героя к смене масок-образов говорит о том, что лидер палестинского сообщества постепенно утрачивал способность к *критической саморефлексии*.

Дополнительно стоит акцентировать внимание на том, что в рамках палестино-израильского конфликта актуализируется тенденция к поиску более жестких выходов (способов) для его преодоления. Не будем забывать о том, что образование государства Израиль объективно пробудило агрессивную непримиримость палестинских арабов.

Список источников

- Боровой Я. Человек с тысячью лиц. Ясир Арафат. М. : Терра, 2009. 283 с.
- Гейзель З. Политические структуры государства Израиль. М. : Мосты культуры ; Иерусалим : Гешарим, 2013. 664 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. Т. 2 : И–О. М. : Русский язык, 1998. 779 с.
- Дершовиц А. Слово в защиту Израиля / пер. с англ. Л. Черниной. М. : Текст : Книжники, 2011. 476 с.
- Жаботинский З. Избранное. Иерусалим : Библиотека «Алия», 1978. 439 с.
- Канетти Э. Масса и власть / пер. с нем. Л. Ионина. М. : АСТ, 2022. 704 с.
- Концельман Г. Ясир Арафат : От террориста к человеку мира / пер. с нем. О. Е. Рывкиной, И. И. Жаровой. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 480 с. (Серия «След в истории»).
- Королев В. И. Кровь на Святой Земле. М. : АСТ : Астрель, 2007. 574 с.
- Лотман Ю. М. О поэтах и поэзии : анализ поэтического текста. Статьи и исследования. Заметки. Рецензии. Выступления. СПб. : Искусство-СПб, 1996. 848 с.
- Мажуль Л. А. Иллюзии: от восприятия – к мировоззрению // Мир психологии. 2013. № 1 (73). С. 42–58.
- Носенко Т. В., Семенченко Н. А. Напрасная вражда. Очерки советско-израильских отношений 1948–1991 гг. М. : ИВ РАН, 2015. 260 с.
- Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М. : Эдиториал УРСС, 2001. 288 с.
- Словарь русского языка : в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. ; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд. 3-е, стер. Т. 2 : К–О. М. : 1986. 736 с.
- Слотердаик П. Критика цинического разума / пер. с нем. А. В. Перцева. 3-е изд., испр. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 800 с.

Информация об авторах

Сергей Михайлович Абрамов, канд. пед. наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет» (Екатеринбург, Россия). E-mail: AbramowwwSM@mail.ru.

Елена Владимировна Андреева, канд. ист. наук, доцент кафедры рекламы и связей с общественностью факультета социальной психологии АНО ВО «Гуманитарный университет» (Екатеринбург, Россия). E-mail: lenaandreeva@e1.ru.

Татьяна Александровна Ветошкина, канд. филос. наук, доцент, доцент кафедры «Управление персоналом» ФБГОУ ВО «Уральский государственный горный университет» (Екатеринбург, Россия). E-mail: tatyana.vetoshkina@m.ursmu.

Information about the authors

Sergey M. Abramov, Cand. Sci. (Pedagogic Sciences), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at Human Resources Management Department, Ural State Mining University (Yekaterinburg, Russia).

Elena V. Andreeva, Cand. Sci. (History), Assoc. Prof. at Advertising Department, Faculty of Social Psychology, Liberal Arts University – University for Humanities (Yekaterinburg, Russia).

Tatiana A. Vetoshkina, Cand. Sci. (Philosophy), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at Human Resources Management Department, Ural State Mining University (Yekaterinburg, Russia).

Статья поступила в редакцию | The article was submitted 28.02.2023.

Одобрена после рецензирования | Approved after reviewing 03.06.2023.